

# Это убийство искусства

лит. газета. — 1994. — 2 нояб. — с. 8.

На фестивале в Анапе "Киношок-94" один из самых именитых театральных режиссеров России Анатолий ВАСИЛЬЕВ был председателем жюри. В предлагаемой читателям "ЛГ" беседе он рассказывает о своем кинематографическом опыте и об итогах фестиваля

— Вас не шокировало приглашение на "Киношок"?

— Это было очень даже неожиданно, но... Вообще-то моя жизнь не раз соприкасалась с кинематографом. Приходилось даже три года вести курс кинорежиссуры во ВГИКе, будучи театральным режиссером. Тот эпизод из своей жизни я воспринял как подарок судьбы, так и с фестивалем вышло.

— Значит, кино в вашей жизни занимает не последнее место?

— Я как бы сделан кинематографом — многие годы у него учился искусству. Конечно, я учился и в театре. Но то был периферийный театр, я жил в Ростове-на-Дону, и там спектакли были далеко не того уровня, что в Москве. В кинотеатре я испытывал все, что может испытывать человек, соприкоснувшийся с величайшими вещами в своей жизни.

Первая попытка заняться кинорежиссурой у меня была где-то в середине 70-х — я снял телеспектакль "Степной король Лир" по повести Тургенева с Андреем Поповым в главной роли, были также заняты Алла Покровская, Евгений Киндинов...

— Вторая попытка была связана со "Взрослой дочерью молодого человека"?

— Да, в 1981 году, через два года после премьеры в театре, я начал снимать телефильм на его основе. Телепремьера, увы, состоялась лишь в 1992 году.

— Я слышал, что в свое время вы написали сценарий по повести Виталия Семина "Семеро в одном доме" и собирались по нему поставить фильм...

— В начале 1981 года мне вроде бы дали карт-бланш на "Мосфильме" — предложили написать сценарий и снять фильм. Около двух лет мы вдвоем с моим другом Виктором Славкиным писали. Это была идея Виктора — экранизировать "Семеро в одном доме". И я сразу согласился. Потому что это прекрасная, потрясающая повесть. С нее, считаю, началась наша "городская проза". К тому же Семин — ростовчанин, как и я. Я хорошо знал среду, о которой шла речь в повести.

Нашу работу, однако, зарубили: обвинили в "чернушности" и прочих стандартных для того времени грехах и положили на полку... Конечно, переживал, конечно, мне было больно. Но поскольку в кинематограф я пришел по любви, а не от амбиций, то я мог любить его, кинематограф, и на расстоянии. Я был доволен и тем, что сделал сценарий с другом, и что, по-моему, хорошо сделал.

— А сейчас нет желания к нему вернуться?

— Это моя юность... Не знаю... Тянет... Но я должен найти год, чистый год для кинематографа, а как найти? Я не могу снимать между делом, это очень серьезная работа.

— Российская кинорежиссура ныне достаточно условно разбилась на два достаточно непримиримых лагеря. Первый — в основном

это молодежь, в большей или меньшей мере представляет экспериментальное, новаторское направление в нашем кино. Костяк второго — режиссеры, которым неплохо жилось при советской власти, а теперь никак не живется. К какому лагерю вы бы себя отнесли?

— Если бы вы спросили меня про театр, я бы ответил однозначно: я бы выбрал не своих однодокков, а молодых. Возможно, для моих учеников это прозвучит неожиданно. Возможно, они думают, что у меня есть к ним ненависть какая-то, злость. Нет, есть только художественное раздражение. Но, в конце концов, почему бы его и не иметь?

В кинематографе, как мне кажется, идут другие процессы. Я вижу, что молодая режиссура все прежнее бьет. В истории искусств это уже было: новая культура строилась на обломках старой. Впрочем, я не уверен, что аналогии точны. Но на "Киношоке" я не раз замечал, как антихудожественность, антиэстетичность, аморальность возводятся в художественный принцип. Принципиально должно быть снято плохо. Принципиально должно быть небрежно смонтировано. Принципиально на экране должны быть такие типы, которых в жизни не сыщешь.

— Принципиально? А может, это элементарный непрофессионализм?

— Да, много и непрофессионализма. Но вот вопрос: а если молодой режиссер и не хочет приобрести, познать профессиональность в привычном понимании этого слова?

Подчас я вижу: это сделано профессионально. Но я не могу принять такую профессиональность, никогда ее не приму! Это убийство искусства. Никогда не поверю, что из осколков разбитой вазы, из покореженной статуи можно сделать нечто совершенное.

— Вы имеете в виду фильм Евгения Лунгина? Он был воспринят на фестивале как один из главных шоков "Киношока".

— "Ангелы в раю" делались в эстетике безобразного. Но вот вопрос: эстетика ли это безобразного или это само по себе безобразное? Для меня это безобразное само по себе.

— Немало безобразного и в "Дикой любви". Но в этой картине замечательно, и это почти единодушное мнение моих коллег, сыграла Ксения Качалина. Почему ей не присудили приз за лучшую женскую роль?

— Мы много говорили о Качалиной, но Аня Молчанова в "Дождях в океане" сыграла сильнее — так посчитало большинство членов жюри. Качалина — жертва режиссуры неталантливой, серой. Скорее всего, возраст актрисы — она же совсем еще молода — не позволил конкурировать с режиссурой. Нельзя безоговорочно подчиняться режиссуре — это я говорю как режиссер. Как только это происходит, я прекращаю работать с актером. Только в результате художественного спора рождается настоящее искусство. Правда, диктат

кинорежиссуры больший, чем театральной. Размер кадра куда меньше, чем размер сцены...

— Специальный приз жюри "Лебединая песня" — это признание художественных достоинств фильма "Дожди в океане" или дань памяти замечательного режиссера?

— Ни в коем случае это нельзя воспринимать как благотворительность. Фильм — художественная акция. Но мы хотели еще выразить и свое уважение к труду, к гражданскому подвигу Виктора Аристов. Сделать такой фильм, будучи смертельно больным, — это подвиг.

И приз Андрону Михалкову-Кончаловскому за "Курочку Рябу" ни в коем случае нельзя рассматривать как благотворительность, как утешительный. Формулировкой "За фильм, свидетельствующий о верности своей теме и о движении художественного сознания..." мы хотели подчеркнуть значимость картины как события в культурной жизни.

— А как лично вы относитесь к "Серпу и молоту" Сергея Ливнева? Ведь картина оказалась особо выделенной: три награды основного жюри (за режиссуру, за лучшее исполнение мужской роли, за музыку), приз жюри прокатчиков...

— Обилие призов вовсе не означает, что "Сerp и молот" значимей, чем "Курочка Ряба"...

Сергей Ливнев затронул тему, к которой художники будут обращаться еще очень долго, потому что мы продолжаем быть советскими людьми. В нас течет советская кровь. И нужно иметь мужество это признавать. Люди моего возраста и постарше не способны приговорить сами себя. Это могут сделать только молодые люди. Надо терпимо относиться к их творчеству и к тому, что они будут нас казнить. Они правильно поступают, разбираясь в деталях, как получился советский человек. В этом смысле "Сerp и молот" — хорошая картина, правильная картина, необходимая и для Ливнева, и для каждого из нас. Смотреть ее, может быть, и не очень симпатично. Не все в ней нравится. В ней много условностей, мало психологических мотивировок происходящего. Но, например, на меня большое впечатление произвели две финальные сцены: драка со Сталиным и самоубийство героя. Сколько было людей, которые обогнали свою жизнь, потому что легенда о них была другая, чем они сами! Вспомните Маяковского... Это наша история...

Я вне кинематографа, вне его клановости, семейственности. Потому мне легче, проще наблюдать за ним со стороны — наблюдать влюбленными в кинематограф глазами. Многое из того, что я вижу, что создают молодые режиссеры, я не принимаю. Но у меня всегда остается вопрос: а прав ли я? Сегодня я это не принимаю. А завтра?

Беседу вел  
Геннадий БЕЛОСТОЦКИЙ